

Единственное отличие здесь – в продуктивности модели номинации объекта через другой эргообъект. В Екатеринбурге эта модель представлена пятью эргонимами: *Атриум*, *Верх-Исетский*, *Золотое яблоко* (салоны находятся внутри одноименных эргообъектов), *Guinot* (салон является представителем французского института красоты *Guinot*), *Этуаль* (дано по названию парижской гостиницы, в которой останавливалась владелица салона). В Красноярске же она выделяется лишь в наименовании *Радуга-М* (в помещении до открытия салона размещалась типография *Радуга*).

Идентичен набор моделей, на базе которых создаются отсубъектные названия: 1) по имени номинатора; 2) по именам ближайших родственников номинатора. В эргонимах, образованных по второй модели, именующий субъект и в Екатеринбурге, и в Красноярске отдает предпочтение номинациям, запечатлевающим имена своих младших родственников (детей и внуков).

Совпадение номинативных моделей, почти одинаковая их продуктивность свидетельствуют о том, что при именовании салонов красоты/парикмахерских территориальный фактор не действует.

Крюкова И.В. Рекламные имена как знаки городской лингвокультуры // *Язык города: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Бийск, 2007. С. 282–287.*

Смирнова О.С. Наблюдения над особенностями номинации разнотипных коммерческих предприятий // *Язык города: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Бийск, 2007. С. 316–321.*

С. Н. Смольников
Вологда

Имя и событие: к вопросу о семантике имен собственных

Имя собственное (ИС) не только выступает «пробным камнем» теорий референции, но может служить и критерием для оценки семантических теорий. Решение вопроса о семантике ИС требует обсуждения более общих проблем, связанных с пониманием сущности лексического значения и методологии его описания. Так, например, утверждение семантической ущербности ИС, свойственное логико-семантическому («понятийному») подходу к семантике, имеет и другую сторону: оно свидетельствует об ущербности самого метода, который, как оказывается, применим для описания далеко не всех лексических единиц.

Более действенным выглядит психологический подход к значению как представлению, который оперирует цельным образом, стоящим за ИС. Вместе с тем объективация представления как языкового значения ИС вызывает вопросы о его природе и механизмах превращения субъективного в объективное.

В современной семасиологии ведущие позиции занимают структурные методы (компонентный анализ), но и они лишь частично позволяют интерпретировать «непо-

нятийные» ИС, которые более жестко, чем нарицательные имена, связаны с конкретными предметами окружающего мира. Основное содержание имен собственных составляет их референция. Однако разделить референцию на интегральные и дифференциальные признаки, подобно расчленению понятия на семы, очень сложно. Компонентный анализ предполагает имманентный анализ языка, опирается на его внутреннюю структуру и при вынесении за скобки этой структуры при обращении к ИС обнаруживает свою беспомощность.

И наконец, семантика ИС может быть исчислена как речевая, контекстуальная или дискурсивная. При таком подходе ИС демонстрирует жесткую прикрепленность к высказыванию, тексту, вне которых воспринимается «опустошенным». Парадоксальным образом текст может быть редуцирован до пределов ИС, а ИС может быть развернуто в текст, что убедительно доказывается современными этнолингвистическими исследованиями.

Характеристика проприального значения как образно-целостного, не допускающего понятийного абстрагирования, неотделимого от именуемого предмета и контекста речи соотносима с точкой зрения тех ученых, которые понимали значение ИС как «энциклопедическое».

Однако эта же характеристика позволяет видеть в нем все признаки семантического синкретизма, т. е. говорить о семантике архаичного типа, которая в отдельных формах сохраняется в языке. Видимо, ИС – одна из таких форм. Рассматривая специфику языка Древней Руси, В. В. Колесов отмечал, что исходный семантический синкретизм древнерусского слова обусловлен особенностями допонятийного мышления, нерасчлененностью значений слова, тесной связью слова с определенным контекстом и конкретной ситуацией речи. В свою очередь художественная образность и символическая обобщенность текста были производны от семантического синкретизма составляющих его слов [Колесов, 2002, 146–152].

Для архаического языкового сознания значение ИС нередко сводится к мифу. Однако можно трактовать его и как отражение события или как ситуацию, одновременно включающую предикат, актанты и атрибуты в их отношениях. Характерным примером такой интерпретации может служить библейское толкование имени: «Мария же, которой брат Лазарь был болен, была та, которая помазала Господа миром и отерла ноги Его волосами своими» (Ин 11, 2).

Сходные способы толкования можно встретить в исторических документах, литературных произведениях, в современной устной речи. Это говорит о том, что любое ИС соотносимо с ситуацией, обладающей разной степенью и разной сферой прецедентности. Событийные семантические модели, ориентированные не на предметно-понятийную отнесенность имени, а на его феноменологическую сущность, создают условия для создания типологии ИС.

Таким образом, при семантической характеристике ИС более уместно говорить не об особой понятийности, а о допонятийном синкретичном значении особого типа. Методика описания таких значений требует научного обсуждения.

Колесов В. В. Философия русского слова. СПб., 2002.